

Тельпов Роман Евгеньевич

канд. филол. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Государственный институт

русского языка им. А.С. Пушкина»

г. Москва

DOI 10.21661/r-112978

ДРАМАТИЗАЦИЯ КАК ФИГУРА ДИАЛОГИЗМА В РУССКОЙ СХОЛАСТИЧЕСКОЙ ПРОПОВЕДИ

Аннотация: на примерах из проповедей святителя Дмитрия Ростовского автор рассмотрел прием драматизации, определил его место среди иных риторических приемов с использованием фигур диалогизма, сравнил прием драматизации речи с приемом мнимой диалогизации, используемым современными церковными проповедниками.

Ключевые слова: схоластическая проповедь, фигуры диалогизма, мнимый диалог, риторический вопрос.

Под фигурами диалогизма мы, вслед за А.А. Волковым, будем понимать «риторические фигуры, используемые для создания диалогического эффекта в монологической речи» [1]. Если сравнить использование фигур диалогизма (риторический вопрос, риторическое обращение, ответствование) в современной церковной проповеди, то можно отметить, что в современной проповеди фигуры диалогизма используются для создания т.н. мнимого диалога, который внешне якобы предугадывает все вопросы, которые могут возникнуть у паствы, воспринимающей проповедь, а на самом деле служит средством развернуть речь. В качестве образцов использования фигур диалогизма в современной церковной проповеди можно привести примеры из проповедей митрополита Воронежского и Борисоглебского Сергия (Фомина), опубликованные в его книге «Живу служением Церкви» (примеры из проповедей митрополита Сергия цитируются по [3]). Например, в проповеди, произнесенной на Рождество Христово, после поздравления с праздником, митрополит Сергий задается вопросами: *Но как мир принял*

Христа Спасителя? Кто пришел поклониться Богомладенцу Христу? – ответом на эти вопросы является весь последующий текст проповеди. К подобному же способу развертывания своей речи прибегает митрополит Сергий и в проповеди на праздник Торжества Православия: *Что же такое праздник Торжества Православия? Для чего он установлен Церковью – для того, чтобы мы гордились тем, что мы – православные, или для того, чтобы мы превозносимся и кичимся тем, что наша Церковь и мы, ее последователи, содержим Истину во всей ее полноте?* Для создания ситуации мнимого диалога современные церковные проповедники используют наиболее общие и универсальные вопросы, затрагивающие наиболее важные стороны христианского вероучения. В этом отношении современная церковная проповедь примыкает к нравственно-практическому направлению в данном жанре церковной словесности (см. подробнее [6]) и противопоставляется схоластическому направлению, об особенностях употребления фигур диалогизма в котором мы будем говорить в нашей статье.

Фигуры диалогизма в схоластической проповеди, получившей распространение в России в XVII веке мы будем рассматривать на примерах из проповедей святителя Дмитрия Ростовского (1651–1709), который был ярчайшим представителем данного направления. В схоластической проповеди важнейшим умением хорошего проповедника считалось умение удивить слушателя оригинальной мыслью, провести необычную параллель, основанную на установленном ритором неожиданном сходстве между фрагментом Священного Писания, каким-либо жизненным явлением или фактом биографии видного государственного деятеля. Своеобразное использование фигур диалогизма являлось одной из характерных черт схоластической проповеди. Проповедники, представлявшие схоластическое направление, соревновались в придумывании неожиданных и занимательных вопросов со столь же неожиданными и занимательными ответами на них, истолковывавшими каждое слово священного текста на основании зачастую очень причудливых и крайне далеких ассоциаций. Ю.В. Кагарлицкий в подобном способе построения проповеди видел влияние схоластики, «принципиально

индифферентной к содержанию речи, которая позволяет публичному оратору занимать позицию, которая кажется ему наиболее выгодной, уместной или приемлемой и отстаивать эту позицию с одинаковым мастерством. Обучение искусству красноречия было построено на том, что студент овладевал умением риторически развивать произвольно заданную тему в заданном ключе, защищая ту или иную позицию. Существенно, что риторическая квалификация предполагала умение одинаково легко отстаивать как тезис, так и антитезис» [2, с. 210]. Отмеченные выше особенности схоластического образования оказались очень востребованы в эпоху барокко, с особой эстетикой словесного творчества, характерной для данной эпохи, сущность которой выражена Ю.В. Кагарлицким следующим образом: «слова текучи, понятия ускользают от однозначности, образы множатся, повторяя друг друга, но именно в творческом сознании индивида устанавливается связь явлений» [2, с. 210].

Любовь к диалогической форме, свойственная проповедникам схоластического направления, у святителя Дмитрия нашла свое воплощение в приеме, который мы назовем *драматизация* проповеди. Ветхозаветные праведники и пророки, евангелисты, святые нового времени – все, кто упоминается в проповедях святителя Дмитрия, могли стать адресатами, к которым святитель обращался с вопросами и восклицаниями: *Но, о, Богослов святый, скажи нам, кто среди нас антихрист? Укажи нам перстом своим хотя одного: нет ли его здесь во святом храме среди нас? Разве я, или кто другой? О, поистине их очень много! Кто же такие?* («Поучение в неделю Страшного Суда «Приидет Сын Человеческий во славе Своей» (Мф.25:31)») (примеры из проповедей святителя Дмитрия Ростовского цитируются по [4]) / *Теперь я обращу беседу мою к Пресвятой Богородице. О, Пресвятая Богородице Дево! Кого ты призываешь на пир свой? Неужели безумных? Неужели грешников? Ведь ты мудра и даже премудра: что тебе до безумных? Ты чиста и даже пречиста: что тебе до оскверненных? Ты праведна и преподобна: что тебе до грешников? Твое общество с ангелами, архангелами, херувимами и серафимами, ибо ты «честнейшая херувимов и славнейшая сера-*

фимов» («Слово в субботу пятую, похвальную, великого поста «Радуйся, Невесто неневестная») / *O, ангел святой! Неужели ты противоречишь святому Евангелию, говорящему: «Не клятися всяко ни небом, яко престол есть Божий, ни землею, яко подножие есть ногу его»? (Мф. 5:34, 35). Ты же дерзаешь клясться самим Создателем неба и земли. Не согрешаешь ли ты?* («Поучение в первую неделю Великого поста «Отселе узрите небо отверсто...» (Ин.1: 51)») / *O, святые апостолы! Но знаете ли вы, что такое Его чаша? Чаша временной его жизни есть чаша не сладости, но горечи, не меда, но полыни, не сахара, но озта и желчи, которая была в губке на ту трость надета и поднесена к устам Его* («Поучение в пятую неделю великого поста «Рече има Иисус: можета ли пити чашу, юже Аз пию? Она же реста Ему: можева» (Мк. 10: 38, 39)»). Адресатами речи проповедника могли становиться не только образцы христианской добродетели, но и воплощения всевозможных пороков и ересей – в качестве примера можно привести семиглавого змея, ставшего в одной из проповедей святителя Дмитрия воплощением иконоборческой ереси: *Что же скажешь на это ты, семиглавый змей иконоборческой ереси, отрицающий святые иконы? Слыши, слыши, порождение ехидны, что ты говоришь* («Поучение о поклонении святым иконам»). Риторические вопросы и обращения подобного рода встречаются уже в самых первых памятниках церковного красноречия, созданных на территории Древней Руси – например, подобное обращение есть в знаменитом «Слове о законе и благодати» святителя Иллариона, в котором он обращается к уже покойному князю Владимиру: *Как же мы тебя восхвалим, о досточестной и славный средь земных владык и премужественный Василий? Как же выразим восхищение твою добротою, крепостью и силой? И какое воздадим благодарение тебе, ибо приведены тобою в познание Господа и избыли идолъское прельщенье, ибо повелением твоим по всей земле твоей славится Христос? Или что тебе <еще> примолвим, христолюбче, друже правды, вместилище разума, средоточие милости?* («Слово о законе и благодати» цитируется по [5]). В «Слове о законе и благодати» обращение к фигурам диалогизма служит целям риторического украшения речи, фигуры диалогизма здесь органически соотносятся и с традициями

народного плача, и с традициями церковного славословия. Подобную же функцию украшения речи играют фигуры диалогизма и в схоластической проповеди, но это именно барочное украшение, характеризующееся крайней сложностью и замысловатостью – в качестве крайней степени которых можно рассмотреть проповедь, содержащую размышление святителя Дмитрия над цитатой из Апокалипсиса: *Держал в деснице Своей семь звезд, а из уст Его выходил острый с обеих сторон меч* (Откр. 1, 16). К истолкованию данной библейской цитаты святитель Дмитрий переходит с использованием фигуры диалогизма, через обращение к автору Откровения: *Богослов святой! Ты ближе к нему, чем все другие, ты любезнее Господу и дерзновеннее к Нему. Скажи Ему: «Господи! Новая это, необычная мода, чтобы меч носить в устах: меч приличествует рукам. Перемени, Господи! Положи звезды около уст Своих, ибо слова Твои, из уст Твоих исходящие, как звезды озаряют вселенную; а меч возьми в руки, чтобы поражать им врагов своих* (Поучение на Обрезание Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, месяца января, в 1 день). Благодаря использованию в данном случае фигуры диалогизма богословские истины предстают перед слушателем в своем крайне персонифицированном виде, что, видимо, должно было способствовать их эмоциональному восприятию.

В своих проповедях святитель Дмитрий Ростовский не ограничивался традиционными риторическим вопросом, восклицанием или ответствованием, в отдельных случаях между представителями организованного проповедником словесного действия разыгрываются настоящие диалоги: *Если бы из здесь стоящих я спросил каждого в отдельности: «Желаешь ли быть на небе?» – то каждый бы ответил: «Да, желаю, – как и пишется об этом: мы скорее желаем выйти из тела и прийти к Богу, к Тому Богу, который на небе живет, ибо для того мы и созданы, чтобы от земли мы пришли на небо и пополнили те праздные места, откуда ниспали злые ангелы; для того и небо открывается, чтобы мы вошли в него...»* (Поучение в первую неделю Великого поста «Отселе узрите небо отверсто...» (Ин. 1:51) / *Послушаем же, что говорят нам мертвые: «О, люди, мы некогда были тем же, что и вы ныне; вы же скоро будете тем, что и мы ныне...»*

(«Слово в субботу четвертой недели Великого поста «Поминайте наставники ваша» (Евр.13:7). «Поминай последняя твоя» (Сир.7:39»). Популярная в схоластическом направлении вопросно-ответная форма (диалектико-софистический тип проповеди) у святителя Дмитрия Ростовского служит не только целям произвести внешний эффект на слушателя, удивить его искушенностью и находчивостью проповедника, но и драматизирует несоответствие земного существования человека высоким христианским идеалам, позволяет слушателю представить данное несоответствие более наглядно и образно, возможно, проповеди святителя Дмитрия производили эффект, сходный с эффектом катарсиса в античном театре. Характерно, что и сам святитель Дмитрий в некоторых своих проповедях становится своеобразным «актером» разыгрываемого им словесного действия – например, в «Поучении в первую неделю Великого поста «Отселе узрите небо отверсто...» (Ин. 1:51)» святитель Дмитрий на время проповеди берет на себя роль «лествичника»: *Для того, чтобы всякий желающий мог удобнее войти в отверстое небо, решил я в настоящей моей беседе быть лествичником, хотя мне и очень далеко до святого Иоанна Лествичника, ибо он был премудр и свят, я же – худоумен и грешен. Все же с Божией помощью я попытаюсь быть лествичником. Я приставлю к отверстому небу лествицу духовную, составленную из добродетелей, чтобы всякий желающий удобнее мог восходить.* В «Слове в субботу четвертой недели Великого поста «Поминайте наставники ваша» (Евр.13:7). «Поминай последняя твоя» (Сир.7:39)» святитель Дмитрий становится путником, путешествующим по дальним странам и воочию наблюдающим сцены из жизни древних царей и мудрецов: *Пойду теперь я не плотскими, но умственными ногами за море, в чужие страны, из Европы в великую Азию, из настоящих лет в древнейшие, давнominувшие. Так хаживал и Давид, говоря: «Помыслих дни первые, и лета вечная помянух» (Пс. 76:6).* Данный прием нельзя рассматривать в качестве использования фигуры диалогизма, но с общей выделенной нами барочной тенденцией драматизировать проповедь он соотносится вполне органично.

Уже в XIX веке использование приема драматизации речи могло очень удивить слушателей. Например, известен анекдотический случай, когда митрополит Платон (Левшин) во время одной из своих надгробных речей, сказанных после панихиды у гробницы Петра I, сошел с амвона и воскликнул: «Восстань теперь, великий монарх, отечества нашего отец! Восстань и воззри на победное изобретение твое: оно не истлело от времени и слава его не помрачилась...» – поступок митрополита Платона произвел шокирующий эффект – стоявший вблизи гробницы будущий император Павел испугался, что «прадедушка встанет».

Список литературы

1. Волков А.А. Курс русской риторики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://redrussia.narod.ru/miscell/ritorika_volkov.html#239 (дата обращения: 14.01.2016).
2. Кагарлицкий Ю.В. Риторика уподобления и риторика соревнования: фигуры сближения имен в русском духовном красноречии XVIII века // Именослов. Заметки по исторической семантике имени / Сост. Ф.Б. Успенский. – М., 2003. – С. 209–231.
3. Митрополит Воронежский и Борисоглебский Сергий (Фомин). Живу служением Церкви. Послания и проповеди, доклады и выступления, интервью. – Воронеж, 2009. – 344 с.
4. Святитель Димитрий Ростовский. Поучения и проповеди. Том 1. – С. 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pandia.ru/text/78/113/28310.php> (дата обращения: 14.01.2016).
5. Слово о законе и благодати митрополита Илариона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4868> (дата обращения: 14.08.2016).
6. Тельпов Р.Е. Сравнительная характеристика функции цитаты в русской схоластической и нравственно-практической проповеди (на материале проповедей Дмитрия Ростовского и Тихона Задонского) // Актуальные вопросы изучения духовной культуры: Материалы Международной научно-практической конференции Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIV Кирилло-

Мефодиевские чтения» (14 марта 2013 г.). – М. – Ярославль: Ремдер, 2013. – С. 58–63.